

ВРЕМЕНИЦЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ
И
ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,
1851.

ЯЗЫЧЕСКІЯ ПРЕДАНІЯ

ОБЪ

ОСТРОВЪ-БУЯНЪ.

Буиць-островъ занимаетъ очень видное и важное мѣсто въ нашихъ народныхъ преданіяхъ; безъ его имени не силенъ ни одинъ заговоръ, на немъ сосредоточивается вся чудесная и могучая сила. ¹ Такое значеніе невѣдомаго острова уже съ перваго взгляда говоритъ о тѣсной связи его со славянскими языческими вѣрованіями.

Дѣйствительно, преданія о Буиць-островѣ находятся въ самомъ близкомъ соотношеніи съ основными языческими вѣрованіями Славянъ: изъ нихъ только можно объяснить смыслъ этого мѣста, который въ свою очередь прекрасно дополняетъ и съ нѣкоторыхъ сторонъ освѣщаетъ новымъ свѣтомъ славянскую мифологию. Чтобы раскрыть нагляднѣе указанную нами связь, необходимо представить въ краткомъ очеркѣ общій характеръ теогоніи и космогоніи Славянъ. ²

Славянинъ нѣкогда, въ незапамятной древности, для которой не осталось даже письменныхъ свидѣтельствъ, жилъ жизнью впол-

---

¹ См. заговоры въ т. 1. «Сказаній Русс. Нар.» изд. Сахарова.

² Главнымъ образомъ мы имѣемъ въ виду Славянъ восточныхъ; преданіями другихъ будемъ пользоваться только для объясненій—сближеніями.

нѣ непосредственною. Онъ былъ погруженъ въ природу и на мигъ не могъ оторваться отъ ея груди: она питала его и была ему матерью. Съ первымъ проблескомъ сознанія, зародившимся въ душѣ его, онъ обоготворилъ природу, ибо чувствовалъ себя въ полной и неотвратимой зависимости отъ нея: человекъ былъ слабъ, какъ дитя, только что затвердившее первые звуки. Обоготворенная природа представлялась ему цѣльною, ибо умъ его еще не успѣлъ подмѣтить ея различныхъ силъ и вліяній. Но умъ не могъ остановиться на этой ступени. Труденъ былъ первый шагъ; но вмѣстѣ съ первымъ зачаткомъ сознанія тотчасъ же начался анализъ, мѣрою котораго человекъ поставилъ самого себя: другой мѣры онъ еще не зналъ и не могъ знать. Прежде всего Славянину, какъ это было и у другихъ народовъ, природа раскрылась въ тѣхъ основныхъ стихіяхъ своихъ, которыя условливаютъ собою всякую жизнь на землѣ, а слѣдов. и жизнь человека. Естественно что обоготвореніе перешло на эти стихіи: природа раздробилась: явилось нѣсколько божествъ, и притомъ божествъ стихійныхъ. Главною стихіею, поразившею впечатлѣніе Славянина, была стихія земли и тепла, какъ необходимое условіе всякой жизни и развитія. ¹ Первоначальное понятіе о богѣ, какъ природѣ, еще нераздѣленной анализомъ и потому цѣльной, перешло въ понятіе о божествѣ свѣта, соединеннаго съ небомъ: явился Сварогъ ², который въ свою очередь раздробился на особенныя божества соответственно различнымъ проявленіямъ тепла и свѣта. Славянинъ, жившій въ быту родственномъ, который всегда составляетъ начальную ступень общественнаго развитія, всю работу

¹ Статья Средневѣковаго: «объ обожаніи солнца у др. Славянъ» въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1846 г. Июль; «исслѣдов. о язык. богослуж. древн. Славянъ» СШБ. 1848 г.

² Только отсюда можно объяснить темное преданіе о Богѣ, отличае-
момъ у Вестора отъ Перуна. Тоже должно замѣтить о подобныхъ
преданіяхъ у другихъ ищателей: объяснять ихъ существованіемъ
у Славянъ отвлеченнаго девиза «Многъ Словъ языкъ» Др. Шеншица
1849. Москва;—но върнѣе Сварогъ-снкръ svar, древне-Чешскъ stag-
небо; «о Сварогѣ богѣ язычск. Славянск.» Шеншица, Чт. Об. II и
Д. годъ I № 1 стр. 33.

своего ума и всю послѣдовательность этой работы выразилъ въ патріархальной формѣ рожденія божествъ однихъ отъ другихъ и ихъ взаимнаго родства. Элементъ свѣта и тепла раздробился и былъ обоготворенъ въ слѣдующихъ видахъ: Солнце (*Дажь-богъ*)¹ Мѣсяць, Звѣзды, Молнія (*Перунъ*) Огонь (*Сварожичъ*), Утренняя и Вечерняя Зори, сестры Солнца (Солнцевы дѣвы).² Присутствіе силы свѣтлой, проявлявшейся въ различныхъ видахъ, считалось благотворнымъ временемъ, потому что сила эта была сила жизни, все оплодотворявшая и оживлявшая въ природѣ; отсутствіе ея было временемъ *тьмы* и *холода*, враждебныхъ всякому развитію и неприязненныхъ человѣку, ибо тогда требуется отъ него гораздо большихъ трудовъ и заботъ о себѣ. Вслѣдствіе такого противоположенія *свѣта* и *тьмы*, *теплоты* и *холода*, и вслѣдствіе ихъ различнаго воздѣйствія на природу и человѣка, Славянинъ связалъ съ свѣтлою, чистою силою—добро, благо, счастье, а съ *темною*, *нечистою* силою—зло, враждебность, несчастіе; такое раздѣленіе онъ дѣлалъ единственно относительно себя. Нравственный критеріумъ привзошелъ очень поздно. И чистая и нечистая силы имѣли свои неотъемлемыя и равныя права въ общемъ составѣ природы; только для человѣка—одна благопріятствовала, другая—была враждебна. Человѣкъ обоготворилъ обѣ силы въ разныхъ божествахъ, и этимъ обоготвореніемъ уже показалъ свою зависимость отъ обѣихъ силъ природы и ихъ равное право на обожаніе, хотя характеръ обожанія и долженъ былъ различаться соотвѣтственно самому характеру чистыхъ и нечистыхъ божествъ. Такой дуализмъ ясно сохранили преданія; но еще нагляднѣе можетъ указать на него филологія. Языкъ народный, создавшійся въ глубокой древности, когда творчество создавало и самую религію, лучше и вѣрнѣе запечатлѣлъ духъ древнѣйшаго пониманія Славянъ. Съ элементомъ свѣта и тепла они дѣйствительно связали все благое

¹ *Дажьбогъ*: дажь-прилаг. притяжат. отъ *даеъ*-день, свѣтъ. («Объ обожаніи солнца у др. славянъ» стр. 36.)

² *Ibid.* стр. 46, 56, о звѣздахъ — *ibid.* стр. 39. См. филологическія объяснен. различныхъ божествъ обожаніемъ стихіи свѣта у Буслева: о вліяніи Христ. на Слав. языкъ. Москва. 1848 г. стр. 13, 16, 28, 44—45 и др.

живое, прекрасное, съ элементомъ тьмы и холода—все враждебное, мертвое и безобразное.¹

Такой общій характеръ, замѣчаемый въ развитіи Славянской языческой религіи, вполне соотвѣтствуетъ развитію язычества и у другихъ народовъ. Отсюда нисколько не должно заключать о заимствованіяхъ. Изъ одинаковыхъ условій вытекаютъ одинаковыя слѣдствія; а народы въ ихъ первобытномъ состояніи, близкомъ къ природѣ, болѣе или менѣе сходятся; отношенія ихъ къ стихіямъ, къ явленіямъ, которыя вызываються движеніемъ свѣтилъ, къ постоянному возрожденію природы, къ жизни и смерти, одинаковы—по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ. Чтобы нарушить эту неизмѣнную тождественность въ первоначальномъ развитіи язычества у различныхъ народовъ — надо оторвать человѣка отъ земли. Другое дѣло, дальнѣйшее развитіе религіозныхъ убѣжденій; оно опредѣляется исторіею народа, которая необходимо разнообразится тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе прожили народы и чѣмъ болѣе искусство замѣняетъ естественный, природный бытъ: тогда разнообразятся и формы религіи языческой, ибо въ ней человѣкъ выражаетъ себя и свою общественную и частную (семейную) жизнь.

Сознающая способность человѣка влечетъ его непреодолимою силою и впередъ, къ будущему, и назадъ, къ прошедшему. Онъ

---

¹ *Свѣтъ*, свѣтлый (свѣтлые Князья), *цвѣтъ*, цвѣсти, *бѣлый* (Бѣлбогъ); *чистый* (очищеніе водою и огнемъ); *яркой*, яровой, *жаркой*; *красной* (прекрасной, красное солнышко, красной молодець, красная дѣвица, *красота*). 2) *чорный*, чорная душа; въ заговорахъ просятъ избавленія отъ «чорныхъ божіихъ людей» (Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. I. стр. 26), *чернь*, *тьма* темный, *нечистый* (-ая сила), *мракъ*; *мразъ* (морозъ), *моръ*, *смерть*, *смердь* (смердѣть), *мерзость*, *марать*, *хмара* (туча), *морена*. Съ этими филологическими данными вполне согласны и преданія, по которымъ въ полночь черти веселятся, разгуливаютъ по перекресткамъ и улицамъ и бьются на кулачки (Терещ. «Бытъ Рус. Нар.» Ч. V. стр. 169, 183). Обѣ силы свѣтлая и темная поставлены преданіями въ вѣчную борьбу. Громъ и молнія постоянно преслѣдуетъ нечистую силу (Терещ. «Бытъ Рус. Нар.» ч. VI. стр. 35); когда запоетъ пѣтухъ, предвѣщающій своимъ голосомъ восходъ солнца, нечистая сила тотчасъ исчезаетъ (ibid. стр. 57.) Въ одной рукописи предлагается такая загадка: «кой два супостата борются? смерть да животь, *день и ночь*» (Сборн. Калач. Статья Буслаева стр. 48).

хочетъ знать, что будетъ съ нимъ и со всѣмъ, что его окружаетъ, когда, по его предположенію, основанному на аналогіи со всѣмъ существующимъ, должна сокрушиться самая вселенная,—словомъ онъ хочетъ знать жизнь загробную, будущую. Но сверхъ того, зная природу со всѣми ея силами и самого себя, какъ фактъ издавна существующій, человѣкъ хочетъ знать: откуда и какъ возникъ этотъ фактъ, что было до его проявленія, гдѣ его начало.

Этотъ пытливыи вопросъ рѣшаетъ человѣкъ такъ: творчество всего видимаго приписываетъ своимъ признаннымъ божествамъ; но приписывая божествамъ творчество, человѣкъ связалъ съ этимъ актомъ свои преданія о переворотахъ, совершившихся съ землею. Преданія эти изъ поколѣнія переходили въ поколѣніе, затемнились по мѣрѣ раздробленія единого племени на различные народы, по мѣрѣ отдаленія новыхъ поколѣній отъ былаго, и наконецъ вошли въ составъ космогоніи.

Обратимся къ Славянамъ. Они представляли міръ рождающимся изъ воды. Такое вѣрованіе, общее всѣмъ народамъ, основывается на дѣйствительномъ, постепенномъ выходѣ твердой массы земли (суши) изъ-подъ водъ, ее покрывавшихъ. По языческимъ преданіямъ нашего народа въ твореніи видимаго міра участвовали чистая и нечистая сила, первая все творила прекрасно, а вторая портила; поэтической народный рассказъ объ этомъ преданіи сохраненъ Г. Терещенко въ его книгѣ, бытъ Рускаго народа ¹. Въ этомъ рассказѣ воплощено языческое народное вѣрованіе въ двойственное начало добра и зла. Твореніе видимаго міра Славянинъ приписалъ взаимному дѣйствию силъ свѣтлой и темной. Что въ имени чорта разумѣется сила темная, нечистая: это ясно и безъ доказательствъ; что въ имени Божества разумѣется сила свѣта: это ясно раскрывается изъ преданій другихъ Славянъ: у Карпатскихъ Русиновъ существуетъ сказаніе, что свѣтъ создали *царь-огонь* вмѣстѣ съ *царицей-водою* ²; у Хорутанъ—что на землѣ все стало жить съ тѣхъ поръ, какъ внутри ея загорѣлся *огонь*. ³

Это участіе въ твореніи двухъ различныхъ силъ очень естественно, ибо: 1) въ самой природѣ онѣ находятся въ тѣсномъ соот-

¹ Бытъ Русс. Нар., соч. Терещенко ч. V. стр. 44—45, примѣч.

² Срезневск. о язык. богослужен. древн. Словянъ. Стр. 23.

³ Ibidem. стр. 24.

ношеніи, и въ ихъ взаимномъ воздѣйствіи совершается движеніе жизни; 2) въ самомъ твореніи не все служитъ во благо человѣку; многое ему положительно враждебно: это послѣднее онъ не могъ приписать силѣ свѣтлой и благой; 3) наконецъ, различіе дуализма не было абсолютнымъ противоположеніемъ добра и зла, но опредѣлялось относительно къ человѣку и его неразвитымъ внѣшнимъ потребностямъ. Какое же значеніе придано силамъ свѣтлой и темной? Собственно, творчество, какъ воззваніе къ бытію новыхъ существъ, какъ проявленіе неисчерпаемой возможности жизни въ новыхъ формахъ, принадлежитъ началу свѣта и тепла: Солнцу, Молніи; они творятъ все существующее. Вотъ почему главнѣйшія народныя повѣрья связаны съ солнцемъ и молніею; вотъ почему у нашихъ Славянъ видимъ особенное уваженіе къ Перуну; въ одной сербской пѣснѣ Молнія представляется господствующею надъ всѣмъ міромъ; ею все устроено въ мірѣ:

Стаде муня даре дијелити:
 Даде Богу небесне висине,
 Свѣтом Петру петровске врутине,
 А Јовану леда и снијега,
 А Николи на води слободу,
 А Илијі муніе и стријеле ¹.

Всѣ другія славянскія племена вѣрятъ, что земля выплыла изъ моря по божественному дуновенію. Карпатскіе Руссы поютъ въ одной колядкѣ:

Колись то було зъ початку свѣта,
 Втоды не була неба ни земли,
 Неба ни земли, нимъ сине море.

Среди синяго моря стояло два дуба ²; на нихъ сидѣло два голубя и говорили: спустимся на дно моря и достанемъ «дрибно-го» песку, синяго камня, — достали и создалась изъ песку земля со всѣми растеніями, а изъ камня — небо, солнце, мѣсяцъ и звѣз-

¹ Буслаева: о вліянніи Христіан. на Славянск. языкъ, стр. 61.

² Дубъ, какъ самое долговѣчное дерево, было посвящаемо божествамъ свѣта. (Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. VI. стр. 121, и Срезневскаго: Изслѣд. о язык. богослуж. древ. Слав. стр. 30.)

ды. ¹ Наше преданіе носитъ на себѣ болѣе признаковъ древности; потому что въ этомъ преданіи Карпатскихъ Руссовъ самая творческая божественная сила свѣта уже творится Христіанскимъ Богомъ и Св. Духомъ, что видно изъ припѣва: «подуй Боже съ Святѣмъ Духомъ.»

Такимъ образомъ земля родилась изъ океанъ-моря, которое потому называется у Хорутанъ «свѣта вода», а у насъ матерью всѣхъ морей. ² Раздѣленіе единой массы воды на нѣсколько отдельныхъ бассейновъ могло совершиться только при появленіи суши, которая бы разграничила синее-море; слѣдов. названіе океана матерью имѣетъ близкую связь съ рожденіемъ земли. Въ одной старой рукописи встрѣчаемъ такую загадку: *коя мати дѣти своя сцеть (сосеть)?—море* ³.

Съ этими народными вѣрованіями о сотвореніи земли имѣютъ близкое аналогическое сходство и преданія о сотвореніи человека. Какъ говоритъ преданіе о твореніи земли, мы видѣли; о человекѣ сохранилось такое свидѣтельство: «роспрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человекъ? и створи дьяволъ человекъ, а Богъ душу въ не вложи; тѣмже аще умретъ человекъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу» ⁴. И въ этомъ случаѣ слѣдов. чортъ спорилъ съ божествомъ. По единогласному свидѣтельству народнаго стиха о Голубиной книгѣ и Азбуковниковъ ⁵, тѣло человеческое создано было отъ земли, волоса отъ травы, жилы отъ корней, ⁶ кровь отъ морской воды, кости отъ камени,

¹ Буслаева: о вліян. Христ. на Слав. языкъ стр. 85—86.

² Срезневск. Изслѣд. о язык. богослуж. стр. 19. Чтен. Общ. Ист. и Др. Рос. годъ 3-й № 9 стр. 189: «Стихи», сообщ. Кирѣевскимъ. Памв. Берын. океанъ объясняетъ *всесвятнымъ* моремъ.

³ Архив. г. Калачева, статья Буслаева, стр. 48.

⁴ Несторъ, въ Полн. Собр. Лѣт. т. I. стр. 76.

⁵ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. годъ 3-й № 9, стр. 188—189. Арх. Калачева: статья Буслаева «Дополн. и прибавл. ко второму тому Сказ. Рус. Народа» стр. 21 — 22. Буслаева: о вліяніи Христ. на Слав. языкъ, стр. 77, 84.

⁶ Москвит. 1850 г. № 18 объ этич. выраж. укр. повзні, стр. 38—39. Въ пѣсняхъ народныхъ сохранились слѣды переселенія душъ въ деревья и растенія.

дыханіе отъ вѣтра, мысли отъ облакъ, очи отъ солнца; душу вложилъ самъ Богъ. Преданіе это согласно съ индѣйскимъ вѣрованіемъ и отчасти съ преданіями, сохранившимися у другихъ народовъ. Тѣло, по смерти человѣка, обращается въ горсть земли; кости крѣпки, какъ камень; дыханіе — физиологическимъ отпращиваніемъ, а потому и филологическими формами связано съ дунуваніемъ вѣтра (дышать, дунуть, духъ, воздухъ, воздыханіе, вздохъ); кровь, вещество жидкое, образовалась изъ морской воды, какъ ствхія божественной, свѣтлой, искони сущей. Очи, мысли и душа приписаны дѣйствию свѣтлой силы свѣта и огня. Понятно, почему очи получилъ человѣкъ отъ солнца; оно освѣщаетъ все и даетъ возможность различать предметы. Сербы потому восходъ солнца называютъ окномъ Божиимъ (окно отъ око); зоря, предшествующая восходу солнца, происходитъ отъ зоркій (дальпозоркій), зрънь, зрака, зракъ.¹ Мысли поставлены въ связи съ облаками, которыя составляютъ принадлежность неба. Но гораздо важнѣе то выраженіе стиха, по которому умъ-разумъ человѣкъ получилъ отъ Христа небеснаго. Извѣстно, что всѣ благіе дары свѣтлыхъ божествъ съ христіанствомъ были перенесены соотвѣтственно новымъ убѣжденіямъ; а умъ-разумъ и мысли тѣсно связаны. Тоже самое видимъ въ преданіи о душѣ. Язычникъ—Славянинъ имѣлъ понятіе о душѣ, какъ о той животворной силѣ², безъ которой невозможна самая жизнь и безъ которой изъ живаго человѣка дѣлается трупъ. Эту силу видѣлъ онъ въ искрѣ небеснаго огня, который ниспосылается Дажьбогомъ, дѣдомъ всѣхъ людей.³ Всѣ души, по выходѣ изъ тѣла «въ уста» или сквозь «ожерелье»; блуждали или летали по свѣту въ образѣ огней⁴; въ видѣ падающихъ звѣздъ или огненныхъ змѣевъ ниспосылается оплодотвореніе на женщину.⁵ Съ громомъ и молніею тѣсно связываются вѣтры, внуки Стрибога; они придаютъ стремительность стрѣламъ

¹ О вліян. Хр. на Слав. яз. стр. 80. Въ стихѣ о Голубин. книгѣ сказано: зори утрени отъ очей Господнихъ.

² Буслаева: о вліянніи Христ. на Слав. языкъ, стр. 69—70.

³ Совр. 1850 г. № 4. стр. 56, Критика на Архивъ г. Калачева.

⁴ Чт. Общ. Ист. и Др. годъ 3 № 9. стр. 184 (стихи). Слово о Полку, изд. Дубенск. (Достопаи. Рус. ч. III) стр. 180.

⁵ Сахар. Слав. Рус. народ. т. II. стр. 16, 17, 63. (Дневникъ).

(лучамъ) солнца, которыми оно оплодотворяетъ все способное къ развитію и преслѣдуетъ темную силу смерти. Съ громомъ и бурюю посылаетъ оно дождь, съ громомъ и бурюю разитъ нечистыхъ духовъ. Понятно, почему душа, представляемая въ образѣ огня, корнемъ связывается съ дуновеніемъ. У насъ осталось выраженіе «*поисла жизнь*».

Такимъ образомъ основными элементами для созданія человѣка по мнѣнію Славянъ язычниковъ послужили тѣже стихіи, изъ которыхъ созданъ самый міръ,—это: земля, вода, огонь и вѣтръ (воздухъ). Вѣчный духъ жизни въ душѣ, умъ-разумъ, въ очахъ, которыя способны видѣть жизнь и наслаждаться ею (мракъ нераздѣленъ съ смертію), — все это есть великій даръ свѣтлой плодотворной и животворной силы.

До созданія земли и человѣка міръ представлялъ двѣ области: область неба, гдѣ царствовалъ Сварогъ съ своимъ родомъ, и область холодную и темную, гдѣ господствовала нечистая сила. Оба эти царства раздѣлялись безпредѣльнымъ (всесвѣтнымъ) синимъ-моремъ, съ которымъ сливалось синее небо. О жилищѣ свѣтлой силы особенныхъ доказательствъ приводить не зачѣмъ: Сварогъ значитъ небо; дѣти и внуки его небесныя свѣтила и атмосферныя явленія. Что нечистая сила обитала въ мрачныхъ и холодныхъ странахъ, лежащихъ за океаномъ, это объясняютъ намъ заговоры. Въ ихъ заклятіяхъ нечистая сила посылается въ океанъ-море, въ бездны пресподнѣа, въ тартарары.¹ Вспомнимъ, что черти населяютъ болота и омуты.²

Земля, какъ рожденная синимъ³ моремъ, должна была представляться островомъ, плавающимъ по безпредѣльной массѣ водъ. Чтобы укрѣпить ее, преданіе основало землю на трехъ огромныхъ

¹ Сахар. Сказан. Рус. нар. т. I. стр. 30, 31.

² Сахар. *ibid.* т. II стр. 11 (о коровьей смерти). Пословица: въ тихомъ омутѣ (мутный, мутить) черти водятся. Океанъ море и вышедшая изъ него земля составляли *средину* вселенной. Боппъ скр. слово мад'ямалока объясняетъ такъ: мад'яма (*medius*) и лока (*inip-das-земля*), ибо земля лежитъ между небомъ и адомъ. (Буслаев. о вѣдн. Христ. на Слав. языкъ стр. 188.)

³ Тотъ же вѣдетъ придается и молніи. (Буслаев. о вѣдн. Христ. на Слав. яз. стр. 60.)

рыбасъ, какъ жителей океана. Между этими рыбами есть китъ. Когда онъ тронется — бываетъ землетрясеніе: «китъ тронется — земля всколыхнется.» По другимъ вариантамъ всѣ три и даже четыре рыбы — киты. Когда умретъ послѣдній изъ нихъ, будетъ свѣтопреставленіе. Земля понесется по океану, потому что не станетъ основанія. Въ одной болгарской рукописи XV ст. находимъ слѣдующее указаніе: «въпросъ: да скажими що дръжить землю? рече: *«вода висока.»* Да што дръжить воду? отвѣтъ: *камень плосень вельми.* Да что дръжить камень? рече: *камень дръжить 4 китове златы.* Да что дръжить китове златы? Рече: *ръка огоньная.* Да что дръжить того огня? Рече: *други огонь, еже естъ пожечъ, того огня 2 части.* Да что дръжить того огня? рече: *дубъ желъзны, сже естъ пръвопосажень отъ всего же кореніе на слябъ божіей стонть.»*¹ Объяснять въ подробностяхъ это мѣсто — не беремся; важно только то, что приведенное болгарское извѣстіе согласно съ другими славянскими преданіями объ основаніи земли на китахъ, о дубѣ существовавшемъ до сотворенія земли («еже естъ пръвопосажень») и объ участіи огня въ бытіи міра.

Солнце постоянно совершаетъ свои обороты, освѣщая землю днемъ и оставляя ее ночью во мракѣ, согрѣвая ее весною и лѣтомъ и оставляя холоду осенью и зимою. Обожая свѣтило дня и лѣтней теплоты, Славянинъ съ благоговѣйною ревностію наблюдалъ за его движеніемъ и за всѣми признаками, которые условливаются этимъ движеніемъ. Такимъ образомъ составилась цѣлая система примѣтъ и знаменій.² Гдѣ же бываетъ Солнце ночью и куда удаляются его животворные лучи зимою? — Фантазія народная должна была создать Солнцу божественное жилище, въ которомъ оно успокоивается послѣ трудовъ дня и гдѣ скрываетъ оно свою плодотворную силу на зиму. Фантазія Славянъ, дѣйствительно создала эту таинственную страну.

¹ Чтен. Общ. Ист. и Др. годъ. 3-й № 9. стр. 190. Архивъ Калачога: статья Буслаевъ, стр. 21. Абевега стр. 199: «одинъ изъ четырехъ китовъ уже умеръ, отъ чего послѣдовали на землѣ великія перемѣны.» Въ стихѣ Феодора Тирона читаемъ: «гой ты еси рыба — китъ! стань поперегъ силъ моря.» (Киръевск. въ Чт. Об. Ис. и Др. Рос. годъ 3-й, № 9, стр. 147.)

² См. дневникъ во II т. Сказ. Рус. нар. Сахарова.

Въ Несторовой лѣтописи мы встрѣчаемъ темное указаніе на солнцеву страну: «и взиде на восточныя страны до моря, наричаемое Солнце мѣсто»¹; у Чеховъ сохранилось повѣрье, что Солнце имѣетъ свое царство за моремъ: тамъ съчное лѣто, оттуда прилетаютъ семена и птицы. Съ этимъ повѣрьемъ тѣсно связывается малороссійское преданіе о *виріи*: это таинственная теплая страна, лежащая у моря, куда улетаютъ на зиму птицы и удаляются *зодюки*. Припомнимъ, что по нашему повѣрью комары *елтрами* уносятся осенью въ теплыя моря, а весною снова приносятся на Русь. Въ духовной Мономаха сказано: «сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ *ирья* (*ирій* — *вирій*; сравни осемь — восемь, Олга — Волга, онъ — *винь* (Малорос.)) идуць... да наполнятся лѣси и поля.»² Страна эта лежитъ гдѣ-то на востокѣ. Тоже положеніе на востокѣ (или юго-востокѣ), соединяемое съ синимъ моремъ, и съ тѣмъ же значеніемъ страны вѣчнаго лѣта, придано нашими повѣрьями таинственному *остросу-Буяну*. Какъ островъ, онъ необходимо лежитъ на морѣ. Въ заговорахъ читаемъ: «за моремъ на островѣ на Буянѣ» или «посреди окіанъ-моря на островѣ на Буянѣ»; а въ вариантахъ читаемъ «за Хвалынскимъ моремъ», слѣдоват. на юго-востокѣ. Здѣсь находится средоточіе всего чудеснаго. На островѣ-Буянѣ лежитъ *инарокая змія Гарафена* — *инарокая* т. е. главная, почетная (нарочитый). Слѣдов. змія Гарафена едва ли не тождественна съ змією *Македонницею*, упоминаемою въ нашихъ преданіяхъ, которая *всѣмъ зміямъ старшая*; это положеніе еще яснѣе подтвердится изъ сближенія его съ преданіями о другихъ животныхъ, обитающихъ на Буянѣ. На этомъ островѣ сидитъ въ зеленой осокѣ птица, *всѣмъ птицамъ старшая*, къ которой обращается съ заговоромъ охотникъ и проситъ выслать ему птиць, чтобы охота была удачная; на немъ сидитъ и

¹ П. С. Лѣт. т. I. стр. 107.

² Срезнев.: объ обожан. солнца у др. Слав. Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Июль стр. 43. Молодикъ 1844 г. стр. 96. Сахар.: Сказ. Рус. Нар. т. II. стр. 30. По Малоросс. преданію, кукушка имѣетъ у себя ключи отъ *виріи*, а птица соя, собирается летѣть къ *виріи* три раза, но безъ успѣха. По другимъ повѣрьямъ ключи отъ *ви* (ы) рая были сперва у вороны, но когда она прогнѣвала Бога, то Богъ отдалъ ихъ соѣ. (Москвит. 1846 года № 11 и 12 стр. 153). П. С. Л. т. I. стр. 101.

воронъ, всльмъ воронамъ старшій братъ.¹ Г. Кирѣевскій сообщилъ весьма важный стихъ о Голубиной книгѣ, изъ котораго узнаемъ, что на окіанъ-морѣ живеть *Стратимъ-птица*, всльмъ птицамъ мать; тамъ она *выводитъ дѣтей*. Когда она встрепенется, окіанъ-море всколыхнется и тонуть корабли съ товарами. *Китъ-рыба*, по свидѣтельству этого стиха, всльмъ рыбамъ мать, а *Индрикъ* звѣрь, всльмъ звѣрямъ отецъ; живеть онъ во святой горѣ, пѣть и ѣсть на ней; ходитъ онъ по подземелью, куда захочетъ, какъ солнушко по поднебесью, и пропускаетъ рѣки-кладези студеныя.² Китъ-рыба, какъ мы знаемъ, жила въ океанѣ и поддерживала землю; а океанъ тѣсно связанъ съ Буяномъ. И Стратимъ — птица и Индрикъ — звѣрь имѣютъ также связь съ Буяномъ островомъ; относительно первой мы имѣемъ прямо свидѣтельствующій вариантъ о птицѣ, старшей всльмъ птицамъ, сидящей въ зеленой осокѣ на Буянѣ; относительно втораго приводимъ слѣдующія сближенія. Подъ именемъ святой горы въ народѣ разумѣютъ гору Аѳонскую. Въ одномъ заговорѣ сказано, что на островѣ Буянѣ *подъ дубомъ* живутъ седмирицею семь старцевъ, ни скованныхъ, ни связанныхъ; къ нимъ приходитъ еще старецъ, приноситъ тьму темъ черныхъ муріевъ и говоритъ: возьмите и колите ихъ. А въ другомъ заговорѣ говорится о тринадцати старцахъ со старцемъ *Пафнутіемъ*, которые сидятъ *подъ дубомъ на Аѳонскихъ горахъ* и помогаютъ отъ лхорадокъ.³ Старецъ приноситъ муріевъ на истребленіе; онъ запираетъ и руду (кровь), которая создана была отъ «черна моря» — «идеть старецъ, всльмъ ставецъ, несеть печать на руду». ⁴ Сверхъ того на островѣ — Буянѣ сидитъ старца и держитъ въ рукахъ жало: она помагаеть отъ укушенія бѣшенной собаки.

На Буянѣ-островѣ растетъ *липовой кустъ* и *дубъ мокрецькій*, который ни *назъ*, ни *одѣтъ*; лежитъ доска, на ней *тоска* (любов-

¹ Сахар.: Сказ. Рус. Нар. т. I. стр. 21, 26, 29, 31. (Черноки.)

² Стихи Кирѣевск. (Чт. Об. Ист. и Др. Рос. годъ 3-й. № 9. стр. 189—190.)

³ Въ этихъ вариантахъ находимъ прямое указаніе на смѣшеніе различныхъ вѣрованій: суевѣріе смѣшало Аѳонъ съ Буяномъ, и языческія преданья о старшихъ силахъ природы, призываемыхъ въ заговорахъ, представило въ образѣ старцевъ.

⁴ Сахар. Сказ. Рус. нар. т. I. стр. 21, 24. Чт. Об. И. и Др. годъ 3. № 9. стр. 188.

нав—въ заговорѣ на любовь), бьется и убивается тоска, съ доски въ воду, изъ воды въ полымя. ¹ На Буянѣ-островѣ лежитъ и таинственный *блѣ-юрючъ камень-алатырь*; а по другимъ преданіямъ, сохранившимся въ заговорахъ, лежитъ онъ въ окіанѣ-морѣ, или въ слѣдствіе христіанскаго вліянія въ Іорданѣ: ² эта позднѣйшая связь алатыря съ Іорданомъ весьма значительна и прекрасно подтверждаетъ священное значеніе его въ язычествѣ.

Изъ приведенныхъ нами фактовъ раскрывается, что Славяне-язычники вѣровали въ чудесную страну, лежащую на востокѣ, тамъ, откуда восходитъ солнце, это верховное божество свѣта, теплоты и жизни. Здѣсь въ свѣтломъ домѣ жило Солнце съ своимъ родомъ; сюда могло удаляться оно на ночь и здѣсь хранило свою животворную силу плодородія зимою, когда наступало царство холода ³.

Страна, гдѣ обитаетъ свѣтлая божественная сила, есть страна вѣчнаго лѣта, откуда на всю землю разносится плодотворная жизнь въ птицахъ, гадахъ, насѣкомыхъ и сѣменахъ, которыя являлись на землю весною, а при концѣ осени уносились въ царство вѣчнаго лѣта. На такое же значеніе *Буяна*, кромѣ преданій, указываетъ самое имя, въ корнѣ котораго лежитъ слово-*буй* (*буйный*), синонимическое съ словомъ *яръ* (*яркой, яровой, Ярмо, жарь, жаркой*), какъ это видно изъ замѣны этихъ словъ одного другимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ ⁴.

На Буянѣ-островѣ сосредоточивались всѣ творческія силы природы, какъ въ вѣчно-полномъ и неисчерпаемомъ источникѣ. Онъ

¹ Сах. Сказ. Рус. нар. т. I. стр. 20, 21, 27, 31. Мы видали значеніе дуба въ твореніи; дерево это посвящалось Молніи (Перуну) (Буолаев. о вліян. Христ. на Слав. яз. стр. 86—87.)

² Сахар. *ibidem*.

³ На лубочной географической картѣ Авія названа «солнечный восходъ»; страна эта оканчивается *счастливыми островами (раемъ)* (Москвит. 1841 г. № 5. стр. 148, статья Снегир. о лубочн. карт.)

⁴ Всеволодъ называется то *Буй-Туръ* Всеволодъ, то *Яръ-Туръ* Всеволодъ. (см. Слово о Полку, издан. Дубенск. стр. 64, 66, 254.); о словѣ *буй* въ Ж. М. Н. Пр. 1842 г. Окт. статья Эрдмана. Г. Снегиревъ слово *ирій*, встрѣчаемое въ духовной Мономаха, связываетъ съ словомъ *яръ* (Рус. простонар. праздни. ч. III. стр. 2.)

лежалъ на океанѣ, *матери* всѣхъ морей, изъ котораго вышла земля. Буянъ потому и островъ, что находится среди *безпредельнаго* океана. Какъ и когда создался Буянъ-островъ, преданія молчатъ. Вмѣстѣ ли съ землею созданъ былъ этотъ таинственный островъ, и свѣтлыя божества перешли на него съ неба, или онъ существовалъ поконн, до созданія земли?—Думамъ, что прежде всего жилищемъ свѣтлыхъ боговъ почиталось небо, которое наивному представленію язычника казалось *всесвѣтлымъ синимъ* моремъ. На это указываетъ оставшееся доселѣ преданіе, что ласточки *улетаютъ зимою на небо*.¹ Важно, что преданіе это составляетъ вариантъ другихъ выше приведенныхъ повѣрій, по которымъ всѣ птицы на зиму улетаютъ въ благословенное царство вѣчнаго лѣта. Но особенно важно слѣдующее мѣсто одного заговора: «на морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ гонитъ *Илья пророкъ въ колесницѣ громъ съ великимъ дождемъ. Надъ тучею туча взойдетъ, молнія осіяетъ, дождь пойдетъ*»². Вмѣстѣ съ усвоеніемъ себѣ понятій о правильномъ и постоянномъ оборотѣ *свѣтлымъ*, народная фантазія отнесла ихъ жилище на востокъ. Подобно тому божествамъ нечистымъ чело-вѣкъ назначилъ жилище на западѣ, тамъ гдѣ заходитъ солнце.³ Но такъ какъ чело-вѣкъ, по самой сущности своей духовной природы, не только чрезъ рефлексію ума переноситъ себя въ неизвѣстное будущее, но и назадъ въ неизвѣстное прошедшее; то Славянинъ, составивши вѣрованія о жилищахъ божествъ свѣтлыхъ и темныхъ, отодвинулъ бытіе этихъ священныхъ странъ въ глубокую даль прошедшаго. *Матерь* вѣчно божество изначала, такъ изначала же существуетъ его жилище. Буянъ-островъ и страна нечистой силы (на западѣ), вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ заняли мѣсто въ религиозныхъ народныхъ вѣрованіяхъ, получили всѣ права давности.

Творческія силы природы, хранившіяся на Буянѣ, въ преданіяхъ народныхъ выражены въ образѣ *матерей* всего живаго и сущаго на землѣ: здѣсь встречаемъ и звѣря, отца всѣхъ звѣрей,

¹ «Быть рус. нар.» Терещенко, ч. VI. стр. 12. Такое преданіе весьма знаменательно; ибо оно прямо указываетъ на *божественное религиозное* значеніе царства солнца.

² Иллюстр. годъ I, стр. 250, статья *Далъ Молнія разить съ неба, дождь падаетъ* — оттуда же.

³ См. ниже.

и птицу, мать всѣхъ птицъ, и змию, мать всѣмъ зміямъ. ¹ Въ названіи этихъ творческихъ силъ плодородія *матерями*, *старшими*, *большими*, *старцами* и *старницами* видно также и вліяніе родственныхъ патриархальныхъ понятій, лежавшихъ въ основѣ быта,—на религіозныя вѣрованія, состоявшія въ полномъ обожаніи природы и ея жизненныхъ силъ.

Какъ мненческое олицетвореніе творческихъ силъ плодородія въ природѣ, *старцы* названы въ одномъ заговорѣ *ни скованными*, *ли связанными*, т. е. всегда животворными и способными къ развитію. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что о *молодцахъ* попавшихъ на Буянь, заговоры представляютъ совершенно иныя данныя. Такъ въ одномъ заговорѣ (противъ оружія) сказано: сидитъ молодецъ *во неволѣ заточенъ*, а въ другомъ (отъ любви): за Хвалынскимъ моремъ сидитъ молодецъ *въ мѣдномъ городѣ, въ желѣзномъ теремѣ, за 77 дверями, 77 замками, 70 (77?) крюками, въ 77 цѣпяхъ.* ² И такъ Буянь былъ чудесный островъ *матерей* или *родительницъ* т. е. страна вѣчно юныхъ *зародышей*. На немъ тайлась не самая жизнь, въ разнообразныхъ и опредѣленныхъ формахъ ея развитія, а *сѣмена жизни*, всегда готовые къ рожденію отпрысковъ и къ принятію той или другой формы: это жизнь въ возможности, и потому жизнь вѣчная, постоянная, *ни чѣмъ* не свя-

¹ Самое «солнце» въ его первоначальной формѣ было рода женскаго. (Буслаева: въ Архив. Калач. стр. 47.)

² Сказ. Рус. нар. Сахарова т. I. стр. 21, 26, 29, 30 (заговоры). Въ одномъ заговорѣ (Сахар. т. I. стр. 27) сказано: «замыкаю свой заговоръ 77 змѣями, 77 цѣпями, бросаю ключи въ океанъ-море, подъ алатырь-камень.» Въ заговоры записались: *квасническое* выраженіе ихъ крѣпости. На ту же крѣпость указываетъ и храненіе заговоренной *збруи огненнымъ змѣемъ*, который закрываетъ въ мѣдномъ домѣ. Думаемъ, что заключеніе молодцовъ есть мненческое олицетвореніе заговоровъ. Чтобы уничтожить силу заговора, надо обратиться къ нему *съ покорящемъ*. Такъ юноша, страдающій любовью (которая признавалась *наносною*) обращается къ молодцу, запертому 77 замками, цѣпями и крюками, доведенному до неволи красной дѣвицей; такъ ратный человекъ старается достать изъ подъ камня алатыря, *охраняемаго змѣемъ* ключъ отъ богатырской заговоренной збруи.

занная и не скованная.» Развитие уже совершается въ мірѣ, обитаемомъ людьми, на *мать-сырой-земль*, на которую, по преданію *вѣтромъ* приносятся съ Буяна-острова *сымена*, и которая воспринимаетъ ихъ въ свое лоно и даетъ имъ тысячи разнообразныхъ видовъ въ дальнѣйшемъ процесѣ жизни. Въ этомъ мнѣ ясно выразился символъ сочетанія неба и земли: неба, какъ общаго представителя свѣтила и атмосферы, вліяющихъ на производительность земную; земли, какъ общей матери и кормилицы, рождающей изъ своей груди и питающей собою все сущее, но которая не въ силахъ произвести, если не будетъ согрѣта солнечными лучами и напоена дождемъ. Такое значеніе Буяна еще яснѣе становится изъ слѣдующихъ данныхъ: на этомъ островѣ растетъ дубъ (*мокрецкой* — отъ *мокрый*, что указываетъ на связь съ океанъ-моремъ), *который ни наизъ, ни одѣтъ* — ни нагъ т. е. не засохшій, а съ отпрысками, живой; ни одѣтъ т. е. не развившійся, не покрытый листьями и вѣтвями. Тоже видно изъ другаго представленія, по которому *летитъ воронъ безъ крыль, безъ ногъ*¹: такъ сказано въ одномъ заговорѣ, а извѣстно, что всѣ заговоры привязывались къ камню-алатырю и Буяну-острову, и сильны были только ихъ силою.

Алатырь-камень тѣсно связанъ и по преданіямъ и по значенію съ Буяномъ-островомъ. Онъ по однимъ повѣрьямъ лежитъ на Буянѣ, по другимъ въ океанъ-морѣ: но мы уже указали на связь Буяна съ океанъ-моремъ. Объяснивъ значеніе этого камня, можно объяснить и то, почему находимъ его и въ океанѣ и на Буянѣ. Камень алатырь есть мнѣ, созданный языческими народными представленіями; онъ выражаетъ собою *крѣпость и могущество* плодотворной, творческой силы жизни, таящейся на Буянѣ въ вѣчноюныхъ зародышахъ. «Камень алатырь, никѣмъ невѣдомый; подъ тѣмъ камнемъ сокрыта *сила могуча, и сила нѣтъ конца*» — говоритъ заговоръ. Дѣйствительно, такова сила, заключающаяся въ зародышахъ и почкахъ, дающихъ возможность вѣчнаго возрожденія природы и потому не страшущихся смерти. Смерть можетъ уничтожить только отпрыски, въ которыхъ опредѣляется развивающаяся жизнь, а не возможность этой жизни. Смерть даже необходима въ общемъ развитіи природы: она уничтожаетъ старѣющіеся от-

¹ Сахар. Сказ. Рус. нар. Т. I. стр. 24.

прыскн , и такимъ образомъ даетъ просторъ для развитія новыхъ отпрысковъ свѣжихъ и юныхъ, ибо юное и прекрасное есть непре-
лѣдимый законъ жизни. Вотъ почему, можетъ быть, на томъ же
Буянѣ, гдѣ стоитъ вѣчная весна и жизнь таится въ множествѣ
зародышей, сидитъ и смерть въ образѣ птицы Юстрицы.

На морѣ на окіанѣ,
На островѣ на Буянѣ,
Сидитъ птица Юстрица;
Она хвалится—выхваляется,
Что все видала,
Всего много ѣдала —

говоритъ народная загадка, означающая «смерть». Въ одномъ за-
говорѣ упоминается птица Гагана «съ желѣзнымъ носомъ и мѣд-
ными когтями», которая сидитъ на Буянѣ-островѣ; она призы-
вается клевать черныхъ журиевъ.¹ Если только эти преданія не
произошли отъ затемнѣнія мѣсяца—позднѣе; то другое объясненіе
для нихъ найти трудно.

Какъ выраженіе творческой силы, алатырь лежитъ на Буя-
нѣ; какъ выраженіе могущества и крѣпости этой силы — мѣсяцъ
этотъ выраженъ въ камнѣ. Камень - алатырь называется бѣль и
жорючь, по связи выражаемаго имъ мѣсяца 1) съ обожаніемъ жи-
вотворнаго вліянія солнца, и 2) съ именемъ Буяна. Въ немъ за-
ключена сила жизни, слѣдов. сила свѣтлая, благотворная; онъ
горитъ и не сгораетъ (въ одной пѣснѣ поется: «бѣль горючь ка-
мень разжорается»)², какъ творческая сила постоянно рождаетъ и
не вырождается. Этотъ смыслъ, заключенный въ мѣсяцѣ о камнѣ-
алатырѣ подтверждается тѣмъ отношеніемъ, въ какое поставили
его преданія съ огненнымъ змѣемъ, олицетворившимъ въ себѣ ту же
плодотворную, творческую силу, ниспадающую съ неба въ видѣ
молніи. Въ заговорахъ представляется змѣй огненный, лежащимъ
на алатырѣ: Гарафена-змѣя лежитъ на рунѣ, а руно на златомъ
каменѣ подъ липовымъ кустомъ у дуба, который ни нагъ, ни одѣтъ.

¹ Ibid. стр. 22, 31, 91.

² Въ другой пѣснѣ мужъ говоритъ женѣ, разлучаясь съ нею навсег-
да: «гляди, молода жена на синемъ морѣ, что поыстынетъ бѣль
горючь камень, тогда я домой прїѣду.» Этими словами выражена ко-
нечная невозможность возврата. (Народ. пѣсни Вологод. и Олонец.
губ., собр. Студницкимъ. 1841. стр. 32, ч. 2.)

И камень, и змѣи хранятъ силу заклятій, ибо подъ ними скрываются *ключи заговоровъ*. Въ народѣ существуетъ повѣрье, что на Воздвиженіе *змѣи* собираются въ кучу въ ямахъ, ярахъ и на городищахъ: тамъ является *бѣлый свѣтлый камень-алатырь*. *Змѣи* *излизываютъ его весь и тѣмъ насыщаются на цѣлую зиму* ¹.

Земля, выплывшая изъ океана дуновеніемъ свѣтлой силы, тогда только исполнилась жизни и произвела разнообразныя органическія формы, когда внутри ея загорѣлся *вѣчный огонь*. Съ этимъ вѣрованіемъ находится въ близкомъ соотношеніи свѣдѣніе, записанное въ одномъ Азбуковникѣ, которое говоритъ, что *камень* поддерживаетъ землю, четыре *золотыхъ* кита поддерживаютъ *камень*, а *огненная рѣка* китовъ. ² Думаемъ, что это извѣстіе поясняетъ то наше преданіе, по которому алатырь находится не только на Буянѣ, но лежитъ и въ океанѣ-морѣ. Его сила необходима и для жизни и для основы земной.

Съ Буяномъ-островомъ и океаномъ Славянинъ связалъ и условія всякой земной физической переменны; ибо сюда отнесъ онъ источникъ всякой жизни. Китъ, какъ отецъ *рыбъ*, лежитъ въ океанѣ; онъ тронется—вся земля всколыхнется. Индрикъ - звѣрь ходитъ по подземелью и пропускаетъ рѣки - кладези студенныя т. е. приготовляетъ подземные ходы для океанѣ-моря, матери всѣхъ водъ. ³ Волнуется ли самый океанѣ-море — онъ волнуется отъ того, что Стратимъ - птица распускаетъ свои могучія крылья и царитъ по поднебесью; отъ удара ея крыльевъ рождается вѣтръ, и тонуть корабли съ товарами. Такимъ образомъ вѣтры, внуки Стрибога, по связи ихъ съ громомъ и молніею и тѣмъ божественнымъ дуновеніемъ, которое вызвало изъ океана землю и неразрывно соединилось съ представленіемъ души, зарождались на Буянѣ, и отсюда неслись на землю, освѣжая природу и давая ей новыя жизненные силы. Своимъ благотворнымъ полетомъ они приносили на лѣто съ Буяна птицъ, насекомыхъ и — что важнѣе — *дождь и снѣгъ*; на зиму они уносили всѣ зародыши жизни на таинственный

¹ Сахар. Сказ. Рус. нар. т. I. стр. 21 и др. (заговоры). Иллюст. год. 1. стр. 251.

² Архив. Калач. статья Буслаева стр. 21.

³ Замѣчательно то близкое отношеніе, въ какомъ преданія ставятъ стихію воды съ стихіею огня и свѣта. Индрикъ, пропуская водяныя жилы, ходитъ въ землѣ, какъ солнце по поднебесью.

островъ , чтобы тамъ сохранить ихъ отъ суровости нечистой силы мороза—для новой жизни.

Для насъ важенъ только смыслъ разбираемыхъ нами олицетвореній. Въ самыхъ образахъ этихъ олицетвореній могло участвовать и вліяніе иноземныхъ источниковъ, передавшихъ намъ сказанія объ огромныхъ животныхъ своихъ странъ. Стремясь къ выраженію великой и непреодолимой силы своихъ религіозныхъ представленій, Славянинъ, соответственно своему неразвитому состоянію, немогъ иначе выразить этой силы, какъ въ образахъ громадныхъ. Такіе образы онъ нашелъ готовыми въ природѣ чужихъ странъ — и воплотилъ въ нихъ свои религіозныя представленія. Индрикъ составилъ изъ *ύδρα*, гидра (водяной змѣи), Стратимъ изъ *ἰστροφῖλος* (*истрофиль*, страусъ).¹

Мы замѣтили, что ни одинъ заговоръ не дѣйствителенъ безъ закрепенія его знаменательными именами Буяна и алатыря. При томъ наивнопростодушномъ обоготвореніи всей природы, въ какое былъ погруженъ Славянинъ, онъ естественно жилъ жизнью непосредственною и внѣшнею даже въ сферѣ религіи и нравственности. Въ немъ все было наблюденіемъ видимаго міра природы. Сочувствуя ей съ искреннею теплотою, онъ внѣшними явленіями объяснялъ свои внутреннія движенія, и на основаніи своихъ замѣчаній о природѣ составлялъ систему нравственныхъ убѣжденій. Вотъ почему всякое ощущеніе, происходившее въ его душѣ, равно какъ всякое внѣшнее на него вліяніе, онъ понималъ, какъ даръ добраго или злаго божества. Весь внутренній міръ человѣка явился не свободнымъ произведеніемъ человѣческой воли, а событіемъ, приходящимъ извнѣ и независимо отъ воли. Чувство въ груди своей Славянинъ понималъ, какъ *напущенное, наносное*; оцѣ было *неспроста*: пріятное было даромъ свѣтлаго божества; непріятное — дѣйствіемъ нечистой силы (*обморочить*—обморокъ, *омрачить, мракъ*).² Понятно теперь, почему Славянинъ обращался къ таинственному жилищу Солнца тогда, когда нуждался въ помощи его животворной силы. Здѣсь хранились вѣчно юные зататки жизни, здѣсь обитали божества свѣтлыя; сюда и обращался человѣкъ, испра-

¹ Архив. Калач. стат. Буслаев. стр. 22. А можетъ быть, представленія, эти принесены Славянами изъ древнѣйшей ихъ родины.

² Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. I. стр. 2, 29. (Чернокт.)

шивая : взцѣленія отъ болѣзни , наносимой нечистою силою ; ² крѣпости, необходимой на войнѣ; счастья въ охотѣ, въ домашней жизни и ея занятіяхъ; помощи противъ сердечной тоски и пр. Весьма знаменательно, что по вѣрованію Славянъ русскихъ самая любовь приносилась съ Буяна-острова , почему она и называется въ одной пѣснѣ *горюча* любовь. *Вѣтры буйные* приносили ее съ Буяна и навѣвали въ тѣло бѣлое , сердце ретивое , въ печень черную , въ губы и зубы, въ кости и пакости. ³ Первоначально *заговоръ* былъ простою мольбою , обращенною къ божествамъ свѣта , которыя призывались на помощь и которыхъ силою заклиналась и прогонялась нечистая сила въ бездны преисподнія ⁴. Выраженія, вызывавшіяся прежде чувствомъ , мало по малу перешли въ неизмѣнныя и техническія : это обыкновенное явленіе у народовъ , близкихъ къ природѣ. Ибо въ древнемъ первоначальномъ словѣ пластически запечатлѣвается самый религіозный смыслъ ; слово тогда рождалось вмѣстѣ съ системою религіозныхъ возрѣній чело-
вѣка. ⁵ Славянинъ вставалъ рано въ красную утреннюю зорю , умывался *свѣжею* водою или росой , утирался бѣлымъ платомъ (т. е. совершалъ очищеніе божественною стихіею *ключевой*, или *дождевой* воды) и шолъ въ чистое поле, гляючи на востокъ красную солнышка: это было приготовленіе къ утренней молитвѣ. Вечерняя молитва совершалась *поздней* вечернею зарею , когда спадала сырая роса; Славянинъ выходилъ въ поле и также становился *лицемъ на востокъ*. ⁶ Иногда поле *вамѣнялось* лѣсомъ дремучимъ.

² См. ниже: откуда прилетаютъ болѣзни.

³ Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. I. стр. 27—28. Въ одномъ заговорѣ на любовь читаемъ: «вы *вѣтры буйные!* (обращеніе къ божествамъ) распорите бѣлу грудь дѣвицы, откройте ея ретиво сердце, навѣйте тоску со кручиной» (ibid. стр. 30)

⁴ Ibid. стр. 30, 31.

⁵ Буслаева: о вліянніи Христ. на Слав. языкъ, стр. 7 и дал.

⁶ Подобными обрядами сопровождалась утренняя молитва русскихъ витязей. Такъ въ пѣсняхъ Кирши (стр. 258): вставши отъ сна, богарырь умывается утренней росой, утирается бѣлымъ платомъ и молится Богу на востокъ. Въ сказкѣ Анкундинъ говорится, что *въ старину* вставали *раннимъ* ранешенько , съ утренней *варей*, умывались *ключевою* водою со бѣлой росой, и молились Богу

Съ развитіемъ бѣльшей обрядности, надо было очертить себя чертою призорочною : кругомъ, указывающимъ на образъ свѣтилъ и ихъ движеніе. Зычнымъ громкимъ голосомъ т. е. сильнымъ, торжественнымъ призывалъ Славянинъ Сварога и его дѣтей и внуковъ: «ты небо слышишь, ты небо видишь!»; «мѣсяць, мѣсяць, серебряныя рожки, златыя твои ножки!»; «сойдите вы звѣзды ясныя, ты мѣсяць красныи, ты солнушко привольное!»; «заря зарница, красная двѣнца, полуношница, покрой ты зарница мои скорбныя зубы своею фатою!»¹ и др.

Когда язычество, въ своемъ историческомъ процесѣ, создало для себя торжественныя формы богослужебныхъ обрядовъ, когда простое выраженіе благоговѣйныхъ чувствъ стало переходить въ пластическія формулы; тогда заговоръ изъ простой мольбы перешелъ въ заклинаніе, посредствомъ котораго можно вызвать божественную силу, съ извѣстнымъ намѣреніемъ, и такимъ образомъ придать мольбѣ крѣпость *нерушимую*, т. е. такую, какой не въ силахъ противиться самое божество и какой не можетъ уничтожить ни одинъ новый заговоръ². Такая нерушимая крѣпость заключается въ томъ покровительствѣ божествъ, какому человѣкъ поручаетъ себя словомъ крѣпкимъ, заповѣднымъ: «обтыкаюсь я частыми звѣздами, покрываюсь темнымъ облакомъ или сопоясываюсь я чистыми звѣздами, облакаюсь облаками.»³ Крѣпость эта заключается еще въ томъ, что заговоръ утверждается таинственнымъ именемъ могучаго камня-алатыря, что превосходно выражено въ слѣдующей пластической формѣ: «запираю я заговоръ 77-ю (12-ю) замками и бросаю ключи въ океанъ-море, подъ алатырь камень;» или «ключь въ небо, замокъ въ море.»⁴ Ни одинъ

(Сказк. изд. Сахар. стр. 94) Възваніе Ярославны есть и молитва и заговоръ.

¹ Сахар. Сказан. Рус. нар. т. I. стр. 18, 19, 21, 22, 24.

² Часто заговоръ оканчивается такими словами: «Кто мудренѣе меня сыщется, кто перетаскаетъ изъ моря весь песокъ» — тотъ разрушитъ мой заговоръ (Сахар. т. I. стр. 27.)

³ Сказ Рус. Нар. Сахаров. т. I. стр. 19, 20.

⁴ Ibid. стр. 23, 27. Иллюстр. стр. 250. Въ одной пѣснѣ поется:

У милова сердце каменно,
Золотымъ замкомъ заперто,
Золоты ключи потеряны,

заговоръ не силенъ, если онъ не совершенъ на зорь и если ключъ отъ него не брошенъ подъ алатырь-камень. Любопытна эта связь зари съ алатыремъ. Въ заговорахъ Заря называется красной дѣвицею (просто, или съ прибавленіемъ слова: зари), которая защищаетъ своею фатою отъ бѣдствій: «закрой ты, дѣвица, меня своею фатою отъ силы вражіей; твоя фата крѣпка, какъ камень алатырь»¹. Къ ней обращаются съ прозьбою заколотить непріятельскія ружья силою невидимою, остановить руду и пр. Въ заговорѣ отъ порѣза она представляется сидящею на камнѣ алатырь.² И такъ бѣль горючъ камень алатырь, какъ выраженіе крѣпости творческой силы, связывается народными преданіями и съ огненнымъ змѣемъ, какъ силою оплодотворяющею, и съ зарею, какъ вѣчною сопутницею свѣтила жизни (солнца). Дѣвственное вліяніе Зари, Солнцевой сестры, весьма значительно въ развитіи жизни: она сопровождается росами, которыя ревностно наблюдалъ Славянинъ, потому что отъ ея выпаданія ожидалъ урожаевъ³. Народная загадка паденіе росы приписываетъ Зарѣ: «заря заряница, красная дѣвица, ключи обронила; мѣсяцъ увидѣлъ, солнце скрало.» Загадка эта означаетъ росу.⁴

Соотвѣтственно благотворной странѣ солнца, лежащей на востокѣ, Славянская фантазія создала бесплодную страну смерти, вѣющей холодомъ, мракомъ и бѣдами. На западѣ, тамъ гдѣ заходитъ свѣтило дня, положили Славяне эту страну; ибо тамъ, по ихъ представленію, уничтожался и свѣтъ и теплота. Тамъ обитаетъ сила

Что въ Оку-рѣку заброшены,

Бѣлымъ камешкомъ наложены.

(Пѣсни кр. Владим. и Костр. губ., изд. Смирнова. стр. 45.) Существуетъ обрядъ: когда женихъ съ невѣстою явятся послѣ вѣнца, то старая женщина кладетъ на порогъ замокъ, и когда молодые переступятъ чрезъ порогъ—то затыкаетъ его, а ключъ бросаетъ въ рѣку, на любовь и согласіе новой чѣты (Абеверг. стр. 196.) При сильномъ теченіи изъ носу крови должно взять замкнутый замокъ и дать крови капать сквозь его душку, или держать въ обѣихъ рукахъ по ключу: кровь остановится (ст. Далъ, см. Иллюстр. стр. 503.)

¹ Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. I. стр. 23, 25 (заговоры).

² Ibidem стр. 72.

³ Объ этомъ довольно собрано фактовъ въ народн. дневникѣ, издан. Сахаров.

⁴ Сахар. т. I. стр. 100.

нечистая, олицетворившая собою мракъ и морозъ, болѣзни и несчастія. Особеннаго, языческаго названія этой страны темныхъ силъ природы—мы незнаемъ: преданія называютъ ее принесеннымъ съ чужбины именемъ *ада*. Что адъ лежалъ на западѣ, видно изъ слѣдующаго мѣста въ словѣ Кирилла Туровскаго: «и потомъ сведеть ю въ пропасть, гдѣ же затворены суть душа грѣшныхъ отъ вѣка, «показаетъ ей мѣста, гдѣ же имъ мучится, понеже *жука далече мѣра есть на западѣ*»¹. Адъ, по представленію Славянъ состоялъ изъ пропастей, изъ безднъ, изъ горъ *снѣжныхъ и желѣзныхъ*, т. е. изъ такихъ горъ, которые неспособны ни къ какой производительности, гдѣ всякая жизнь умираетъ. Изъ этихъ желѣзныхъ горъ прилетаютъ зимою морозы и сюда скрываются они на лѣто: вообще, морозъ происходитъ *отъ выхожденія нечистой силы изъ ада*. Отсюда же прилетаютъ въ извѣстную пору своего вліянія, опредѣляемаго чисто физическими условіями, лихоманки, весеннія болѣзни, коровья смерть и проч.²

Вѣроятно, въ связи съ этими представленіями о двухъ таинственныхъ жилищахъ различныхъ силъ природы, состояли и вѣрованія Славянъ въ рай и адъ, какъ въ жилища для душъ добрыхъ и злыхъ по смерти. На это указываетъ самое названіе западной страны нечистой силы—*адоу*, замѣнившимъ названіе языческое. На это же указываютъ повѣрія Словаковъ и Хорутанъ, по представленію которыхъ рай есть чудесный садъ, находящійся въ владѣніяхъ бога солнца и свѣта, садъ вѣчно-зеленой и цвѣтущей, откуда прилетаютъ на землю сѣмена жизни и гдѣ существуетъ вѣчное наслажденіе.³ Во всякомъ случаѣ, вѣрованія въ адъ и рай могли опредѣлиться тогда, когда составила у Славянъ извѣстная сумма нравственныхъ убѣжденій, для чего, конечно, нужно было не малое время.

Въ лубошныхъ русскихъ сказкахъ сохранились нѣкоторые намеки на счастливую страну вѣчной весны. Есть гдѣ-то дале-

¹ Памятн. словъ XII столѣт. стр. 96 97.

² Сахаров. Сказан. Рус. Нар. т. II. стр. 27, 65. (Дневникъ). т. I. стр. 54. (Черюки.) Отъ того всѣ враждебныя челоуку явленія олицетворены въ образъ *замороженныхъ* лихоманокъ и пр.

³ Срезневск. о вѣрованіи Славян. въ безсмерт. души стр. 190, (Ж. М. Н. Пр. 1847 г. февраль).

ко страна, наполненная садами съ золотыми деревьями и райскими птицами; рѣки въ ней текутъ серебромъ, а въ водахъ смотрится ясный мѣсяцъ, умываясь въ нихъ каждый вечеръ. Путь къ этой странѣ лежитъ черезъ широкое море; а княжить здѣсь Царь-дѣвица ¹. Входъ въ землю Царь-дѣвицы стережетъ двенадцатиголовой змѣй, который выпускаетъ изъ пасти жгучее пламя. Царь-дѣвица красоты необыкновенной, и лучше ея нѣтъ во всемъ свѣтѣ. ²

А. Леонасьевъ.

---

¹ Вспомнимъ, что въ нашихъ народныхъ повѣрьяхъ солнце олицетворяется въ женскомъ полѣ. Объ Ерусланѣ сказка говоритъ, что онъ ѣздилъ за тихія воды, за теплыя моря къ вольному Царю огненному щиту и пламенному копью; царь тотъ поживаетъ выпускаемымъ изъ себя огнемъ; онъ ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ. Желчь, добытая отъ него, даетъ слѣпымъ зрѣніе. Отъ Царя — огненнаго щита повхалъ богатырь въ дѣвичье царство съ солнечный градъ къ Царь-дѣвицѣ.

² См. сказки о Ерусланѣ Лазаревичѣ, о золотомъ, серебряномъ и мѣдномъ царствахъ, объ Иванѣ-Царевичѣ и Царь-дѣвицѣ и др.